БОЛЕЗНИ, ГРЕХИ И ВРАЧИ

Документы, публикуемые в данном выпуске «Приложения», в основном относятся к эпидемиям чумы. Прежде всего, речь идет о чуме, обрушившейся на Западную Европу в середине XIV века и долго еще возвращавшейся в виде отдельных «волн». Особое внимание обращено также на эпидемии 1580–1582 годов во Франции. В подборку вошли главным образом свидетельства очевидцев, а также рассуждения о природе этой болезни и о способах борьбы с нею, принадлежащие известным хирургам, сочетавшим медицинскую образованность с богатым практическим опытом.

Все документы приводятся в авторском переводе, и подавляющее большинство из них публикуется впервые.

Трудно отрицать, что на выбор темы выпуска повлияла актуальная ситуация с COVID-19, вызвавшая к жизни массу исторических аллюзий. Многих медиевистов, в том числе и участников нашего выпуска, часто привлекали к различного рода ток-шоу и иным мероприятиям популяризаторского характера, где говорилось о том, как пандемии повлияли на историю человечества. Надо заметить, что, по-видимому, разочарование в успехах современной медицины хоть ненамного, но все же изменило отношение к средневековым медикам. Ведь еще исторически недавно (лет тридцать – сорок назад) мрачный костюм закутанного с ног до головы в плащ чумного доктора с его птичьим клювом, надвинутой на лоб шляпой и круглыми очками объясняли наивным желанием средневековых врачей «испугать эпидемию». Сейчас, кажется, уже всем ясно, что это рабочий костюм медика, максимально предохранявший от контактов с больными, а в пресловутом «клюве» располагались различного рода травяные фильтры, призванные обезопасить дыхание. Это

только один пример, но в целом не будет преувеличением сказать, что на сегодняшний день публике не так уж и мало известно и о «Черной смерти», и о других эпидемиях. Что же нового могут сообщить нам публикуемые документы?

Для ответа на этот вопрос обратимся к общепринятым мнениям. В роли «доксы» уместно использовать текст о «Черной смерти», опубликованный в последнем издании «Всемирной истории»[1].

“В середине XIV в. громадные территории Европы, Азии и Северной Африки были охвачены пандемией чумы, имевшей катастрофические последствия. Это заболевание, по мнению эпидемиологов, эпизодически проникало в Европу и ранее, но со времен поздней античности никогда не принимало столь опустошительных масштабов.

Хотя некоторые исследователи связывают название «Черная смерть» с клинической картиной заболевания (почернение кожи), но более вероятна версия, что название основано на латинском выражении «черная смерть» (*atra mors*), которое использовал Сенека, говоря об опустошительных эпидемиях. Латинское слово *ater* имеет не только значение «черный», но и «страшный», «ужасающий». В 1631 г. нидерландский историк Иоанн Понтан использовал этот латинский термин, описывая эпидемию XIV в., в дальнейшем при переводе на европейские языки закрепилось это значение слова.

Переносчиком чумных бактерий считается блоха, паразитирующая в основном на грызунах, в особенности на черных крысах. Однако чуму иногда могли передавать и «человеческие блохи»…

---

[1] *Бергер Е.Е.* Черная смерть // Всемирная история: в 6 т. / Отв. ред. А.О. Чубарьяна. М.: «Наука», 2019. Т. 2. Мир в Средние века / Под ред. П.Ю. Уварова. С. 671–678.

…Согласно археологическим данным, чума XIV в. зародилась в Центральной Азии. Первичные очаги пандемии возникли в Китае, где первые вспышки отмечены в 1333 г., а также в Центральной Азии, в районе оз. Балхаш. Из Китая чума перекинулась в Индию и Персию, распространяясь по важнейшим путям караванной торговли….

Пандемия охватила земли Золотой Орды, Среднюю Азию, Кавказ, Причерноморский регион, достигла Черноморского побережья Крыма, где поразила татар, контактировавших с населением итальянских колоний.

Самое известное описание того, как чума проникла в Европу, принадлежит хронисту Габриэлю де Мюсси. Он сообщает, что в 1347 г. татарское войско под предводительством золотоордынского хана Джанибека осадило генуэзскую колонию Кафу (совр. Феодосия) в Крыму. Чума вынудила татар снять осаду, но при этом они изобрели «бактериологическое оружие», забросив через стены крепости трупы умерших от чумы, после чего заболели и осажденные. Генуэзцы покинули Крым, надеясь спастись бегством от страшной болезни. В результате она распространилась по всему пути из Кафы в Геную. У де Мюсси сложилось впечатление, что где бы ни приставали итальянские корабли, везде быстро умирали все те, кто соприкоснулся с прибывшими на них. «Родные, друзья и соседи поспешили к нам, но мы принесли с собой убийственные стрелы, при каждом слове распространяли мы своим дыханием смертельный яд», – записал де Мюсси…

…В октябре 1347 г. двенадцать генуэзских галер прибыли в Мессину. Их экипажи находились в плачевном состоянии, большая часть моряков скончалась… Корабли передвигались вдоль всей Сицилии от порта к порту, и хотя они были заполнены драгоценными товарами, нигде

экипажам не позволяли сойти на берег. Когда Генуя отказалась принять собственные корабли, 1 ноября 1348 г. они причалили в Марселе. Епископ, поднявшийся на корабль, чтобы отпеть умерших, умер через несколько дней, и чума начала победоносное шествие по Европе. Из Марселя болезнь стремительно распространилась по всему Провансу, далее на запад до Атлантического побережья. Оттуда корабли доставили ее на берега Британии в порт Уэймут.

Чума охватила весь остров (хотя север был затронут ею в меньшей степени), из Бристоля ее также завезли в Ирландию. В 1349 г. она дошла оттуда до Скандинавии: «корабль-призрак», груженный шерстью, с мертвым экипажем на борту, был обнаружен у берегов Норвегии. Местные жители в неведении сняли с корабля груз, а вместе с ним и «Черную смерть».

Болезнь распространялась по всему Западному миру на протяжении трех лет… не только морским путем: чума стремительно продвигалась по суше, в частности через север Италии вглубь материка. Сильно пострадали земли нынешних Нидерландов, Бельгии, Дании, Германии, Швейцарии и Австрии. Затем зараза посетила Венгрию, Швецию, Польшу и русские земли. В 1351 г. русские летописи отмечают повальный мор в Новгороде, Смоленске, Киеве. В 1352 г. пандемия началась в Псковских землях, где приняла такой масштаб, что люди не успевали погребать мертвых. …Как свидетельствует летопись, в Глухове и Белоозере не осталось вообще ни одного жителя — «вси изомроша». В 1353 г. чума пришла в Москву. От нее скончался, в частности, великий князь Симеон Гордый и его сыновья.

Клиническая картина заболевания изображена различными авторами весьма подробно. Предвестниками заболевания выступали озноб, повышение температуры

тела, головная боль и упадок сил. Современники отмечали, что зачумленные мучились от «непрерывной лихорадки», бредили, страдали от тоски и болей в области сердца, язык чернел, они чувствовали сильнейшую жажду, бессонницу, или же, напротив, впадали в глубокий сон; от них исходило сильнейшее зловоние. Иногда больных сотрясал кашель, сопровождавшийся кровохарканием (легочная форма чумы), что было симптомом наступления скорой смерти. В других случаях в первые дни болезни в подмышечных впадинах и в паху возникали карбункулы и бубоны (бубонная форма). При легочной форме чумы больной жил не более трех дней, и кончина наступала неизбежно; течение болезни в бубонной форме продолжалось примерно пять суток и чаще всего также заканчивалось трагически…

Вспышка бубонной и легочной чумы, самая страшная из известных в истории эпидемий, распространилась в Европе в период с 1347 по 1351 г. и затем каждые несколько лет уже с меньшей интенсивностью повторялась в разных частях Европы на протяжении трех столетий.

Опыт борьбы с инфекционными заболеваниями, накопленный человечеством за прошедшие века, оказался малоэффективным, когда пришла «Черная смерть». Главным рецептом для спасения от чумы стало, по выражению итальянского гуманиста Марсилио Фичино, *cito, longe, tarde*, т. е. бежать от зараженных мест как можно быстрее, дальше и возвращаться позже. Такое паническое бегство из зараженных районов способствовало дальнейшему распространению заболевания. Чума опустошала целые местности. Особенно благоприятной средой для расширения эпидемии оказались средневековые города, ибо в условиях городской скученности болезнь шествовала быстрее, а уровень гигиены был чрезвычайно низок. Колодцы были заражены

возбудителями, санитарной организации не существовало, а крысы и другие животные бродили по грязным улицам, где текли фекальные воды.

Попытки лечения чумы оказались безуспешными. Если при заболевании бубоны появлялись до начала лихорадки, это считалось хорошим знаком: природа сильна и сопротивляется болезни. Благоприятный прогноз был также возможен, если бубоны прорывались самопроизвольно и гной выходил из них. Врачи пытались облегчать состояние больных, выпуская гной из чумных бубонов. Классическим средством средневековой медицины для облегчения симптомов лихорадки служили кровопускания, но еще Гален, переживший так называемую «чуму Антонинов» во II в. н. э., предостерегал от использования кровопусканий при чуме, и средневековые врачи следовали его совету. Люди жгли пахучие травы, чеснок, ароматические вещества и ладан — считалось, что их пары очищают воздух от чумного яда. Средневековые медики советовали соблюдать умеренность в пище и питье, избегать мест скопления людей, реже мыться – вода могла явиться источником заражения, – натирать кожу уксусом и розовой водой. Практиковалось также окуривание смолами, вдыхание паров селитры. Все же пораженный был практически обречен: смертность при заболевании доходила до 90%. Если при борьбе с проказой жесткие меры сегрегации приносили свои плоды и эта болезнь постепенно покидала Европу, то для «Черной смерти» подобные меры оказались явно недостаточными, да и изолировать всех заболевших вскоре стало технически невозможно.

Причиной эпидемии современники считали в первую очередь гнев Всевышнего. Но большое значение придавалось также астрологическим факторам: Ги де Шолиак, французский хирург и врач папы Климента VI в

Авиньоне, объяснял эпидемию особой констелляцией Сатурна, Юпитера и Марса. Отмечалась также связь чумы с иными природными катаклизмами: бури, пожары, голод и война («Четыре всадника Апокалипсиса»). Современники пытались проследить механизмы заражения. В классическом описании чумы из «Декамерона» Дж. Боккаччо сообщает: «…не только беседа или общение с больными переносило на здоровых недуг или причину общей смерти, но, казалось, одно прикосновение к одежде или другой вещи, которой касался или пользовался больной, передавало болезнь дотронувшемуся».

…В намеренном распространении чумы обвиняли некоторые категории населения. Подозрение падало, например, на прокаженных, чья болезнь, как считали современники, ввергала их в состояние злобы и безумия. Вину за распространение эпидемии общественное мнение зачастую возлагало на евреев, чьи гигиенические правила (бани и обливания) давали им некоторую защиту от заражения. Поэтому «Черная смерть» повлекла за собой вспышку антисемитизма: евреев обвиняли в злонамеренном отравлении колодцев с целью вызвать мор. В 1348–1349 гг. избиению, сожжению и грабежу подверглись евреи во многих европейских городах, главным образом в Германии: в Аугсбурге, Вюрцбурге, Мюнхене, Нюрнберге и десятках других. …Хотя в булле Климента VI говорилось, что евреи так же, как и христиане, умирают от чумы, а следовательно, не являются ее виновниками, эта булла не положила конец преследованиям…

Хронисты из разных регионов в ужасе отмечали, что в годы чумы стало некому хоронить погибших. Часто родные или соседи умерших просто выносили тела на улицы; их собирали на телеги и хоронили вместе. «Так как

для большого количества тел, – пишет Дж. Боккаччо в “Декамероне”, – …не хватало освященной для погребения земли, особливо если бы по старому обычаю каждому захотели отводить особое место, то на кладбищах при церквах, где все было переполнено, вырывали громадные ямы, куда сотнями клали приносимые трупы, нагромождая их рядами, как товар на корабле, и слегка засыпая землей, пока не доходили до краев могилы». Поскольку ежедневно погибало множество людей, приходилось нарушать обряд погребения: иногда заупокойные службы проводились над 50 покойниками одновременно… Трупы хоронили в общих могилах вне городских стен, без соблюдения обрядов, поскольку никто не соглашался позаботиться о них из страха заразиться. В Авиньоне тела с благословения папы Климента VI погрузили на телеги и сбросили в Рону, чтобы вода унесла их, но поток вновь вынес их на берег, приведя в ужас горожан.

…Во многих городах жители, если не спасались бегством, то пытались избегать мест большого скопления людей. В Венеции были закрыты все церкви. Дж. Боккаччо сообщает, что многие жители Флоренции запирались в домах и всячески избегали общения с окружающими. В Лондоне была отменена сессия Парламента и закрыты школы. Прямо противоположным образом поступали жители Брешии, где проходили нескончаемые религиозные процессии с молитвами об избавлении от пагубного мора. Эти коллективные моления также становились фактором распространения инфекции…

И главной задачей стали меры, препятствующие дальнейшему распространению страшной болезни: именно чуме Европа обязана появлением карантинной службы и основ городского здравоохранения. Санитарно-профилактические меры были делом не столько врачей, сколько местных властей, и в разных городах применялись

различные методы, имевшие целью изоляцию зачумленных.

…В Венеции их изолировали на остров св. Лазаря (Лацаретто) (с этого времени слово «лазарет» стало обозначать чумной госпиталь). В Милане район города, где были зафиксированы случаи чумы, был обнесен стеной и замурован. Возможно, эти драконовские меры возымели успех, так как в Милане погибло всего 15% населения. Имущество умерших от чумы сжигалось, а их дома дезинфицировались серой и известью. Вход и выход из городов были ограничены.

Особые меры предосторожности принимались в портовых городах. В Венеции, Модене, Марселе, Пизе, Генуе экипажи кораблей, прибывавших с Востока, в течение 40 дней не сходили на берег, чтобы предотвратить возможное заражение (*quarantenaria*, «сорокадневие», отсюда слово «карантин»). В 1377 г. в Рагузе (Дубровнике) был установлен 30-дневный период изоляции на соседнем острове для всех судов, прибывавших из зараженных районов, впоследствии этот период также был увеличен до 40 дней. Появились так называемые «чумные врачи», которые должны были оказывать помощь заболевшим.

Последствия чумы неизмеримы в демографическом, экономическом, социокультурном, религиозном и социально-психологическом плане…

По различным подсчетам, чума унесла от трети до половины европейского населения, что привело регион в состояние подлинной демографической катастрофы. Особо пострадали города. При этом в зачумленных городах в первую очередь вымирали те категории населения, которые находились в непосредственном контакте с больными: врачи, клирики и юристы (поскольку при первых признаках заболевания человек спешил составить завещание). Это означает, что огромный урон потерпела

группа представителей интеллектуальных профессий, и без того немногочисленная.

Вместе с тем, «Черная смерть» способствовала серьезным сдвигам в духовной жизни. Появляются новые формы почитания святых — защитников от чумы: св. Роха, самостоятельно исцелившегося от этой болезни, св. Себастьяна, пораженного стрелами, которые ассоциировались с поражением болезнью, св. Христофора, также принявшего мученическую смерть от стрел, Богородицы, укрывающей род людской своим покровом от болезни. Но главное состояло в том, что пандемия подтолкнула людей к размышлениям о том, что только они сами в первую очередь ответственны за спасение своей души…”.

Итак, что к этой картине могут добавить публикуемые нами источники?

Обратим внимание, что братья Виллани, люди широкого кругозора, заинтересованные в том, чтобы доискаться до причин эпидемии и описать ход ее распространения, ничего не говорят о том, каким образом чума попала в Кафу. Не упоминает об этом и Ги де Шолиак, находившийся практически в центре Западного мира, при папском дворе в Авиньоне, куда стекалась вся информация. Могли ли они не упомянуть о столь эффектной детали, как катапульты хана Джанибека, если бы знали о них?

Это еще не повод оспаривать подлинность слов Габриэля де Мюсси, нотариуса из Пьяченцы, объявившего себя очевидцем осады Кафы татарами и плаванья «корабля смерти» к берегам Сицилии[2]. Но рассказ его не был

[2] О тексте де Мюсси см.: *Гринберг М.* Последняя осада Каффы (1346–1347) ханом Джанибеком и Чёрная Смерть: к вопросу о достоверности источников и о хронологии // Эпидемии и природные катаклизмы в

известен современникам описываемых событий или не произвел на них впечатления, чего не скажешь о наших историках и популяризаторах.

Как бы то ни было, вряд ли Джанибек вместе с телами павших воинов забрасывал в осажденную крепость еще и крыс с их чумными блохами. Утверждение о том, что крысы и блохи были главными источниками болезни, нуждается в корректировке. Крысы, равно как и другие грызуны, были только «резервуарами» для болезнетворных возбудителей, а блохи – их переносчиками. Но ворвавшись в человеческую популяцию, чумная палочка превращала людей в самостоятельные источники инфекции, передающейся контактным или воздушно-капельным путем. Неудивительно, что даже самые наблюдательные современники не могли заподозрить грызунов во всех напастях.

Но как чума попала в Европу? Свидетельство Джованни Виллани исключительно важно. Оказывается, эпидемия уже посетила Италию и в особенности Тоскану в 1340 году! Хронист называет ее чумой, отмечая скоротечность и высочайшую летальность, причем наиболее уязвимой группой населения тогда оказались женщины и дети. И позже, повествуя уже об известной нам чуме 1347–1348 годов, он отмечал, что смертность во время первой волны была выше. Правда, он написал эти строки еще до завершения эпидемии, жертвой которой он сам и стал.

Отсюда – две загадки. Если чума свирепствовала уже в 1340 году, то генуэзские корабли-призраки 1347 года становятся возможным, но отнюдь не единственным возможным путем проникновения пандемии на Запад. Но

Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XVI вв.). Сборник научных статей / отв. ред. Р. Хаутала. Казань, 2018. С. 75–89.

почему об этом свидетельстве молчат современные историки-эпидемиологи[3], в принципе любящие ссылаться на Виллани? И еще большая загадка, почему о первой чуме не упоминают другие современники — ни Боккаччо в «Декамероне», ни Ги де Шолиак, ни даже Маттео Виллани, прямой продолжатель рукописи своего брата? Чума 1347–1348 годов не обладала эффектом внезапности, но возможно, причинённый ею ущерб был настолько велик, что заставил забыть предыдущую волну.

В объяснении причин фантастические черви, огненные смерчи и прочая экзотика упоминаются для отдаленных регионов Ойкумены, где по определению возможно было и не такое… Для родного Запада авторы искали более научные объяснения. И братья Виллани, и Ги де Шолиак, и авторы XVI века начинают с признания того, что главная причина самоочевидна – это грехи людские и Гнев Господень, предсказанный в Апокалипсисе. Но указав на это, они сразу же начинают поиски «инструментальных» причин. Наиболее научными для них представляются наблюдаемые астрологами констелляции небесных тел. Правда, констелляции указываются разные: Солнце – Овен, Меркурий – Дева и еще Юпитер у Джованни Виллани, Водолей и Сатурн у Маттео Виллани, Сатурн, Юпитер, Марс и Водолей у Ги де Шолиака. Очевидно, что авторы пользовались разными астрологическими таблицами, но главным было найти неблагоприятное сочетание светил, а с этим у астрологов проблем не было, да нет их и по сей день. Указаниями на гнев Божий и на дурное расположение созвездий исчерпывается единодушие авторов в объяснении причин эпидемии. Далее каждый дает свой набор объяснений –

[3] Редкое упоминание о «первой волне» см.: *Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С.* Очерки истории чумы. М., 2012. Т. 1–2.

климатические изменения, миазмы, скопления дурного воздуха, плохое питание, переизбыток вредных жидкостей в организме и т.д. При этом не только в XVI, но и в XIV веке уже было понятно, что люди столкнулись с чем-то новым, и что классическая галеновская медицина оказалась в данном случае бесполезной. Природа заражения была совершенно неизвестна и поэтому слова о том, что порой достаточно было взглянуть на больного, чтобы заболеть самому, могли быть не только метафорой. Полностью отказаться от гуморальной теории не могли и не хотели, но современники использовали методы, продиктованные этой теорией, в основном для лечения не причины болезни, а ее симптомов (отсюда ограничение кровопусканий, стремление вскрыть бубоны, чтобы не скапливался гной).

Но в целом ни медики, ни их пациенты не теряли хладнокровия. Публикуемые памятники почти ничего не сообщают ни о беснующихся толпах на улицах зачумленных городов, ни о повальном стремлении покаяться в грехах и найти спасение близ мощей какого-нибудь святого. Об этом если и говорится, то мельком. А те меры, которые принимаются, выглядят вполне рациональными и не сильно отличаются от того, что мы наблюдаем сегодня. Больных стараются изолировать (опыт старых лепрозориев оказался здесь уместен), достаточно быстро похоронные обряды адаптируются к новым условиям: колокольный звон не извещает о похоронах, чтобы не собирать толпы плакальщиков, умерших хоронят в общих могилах, чумные кладбища стараются вывести за городскую черту. Задолго до Марсилио Фичино те, кто имеет такую возможность, стараются следовать принципу – «быстрее, дальше, дольше». По возможности быстро покинуть зачумленный район, уехать как можно дальше и оставаться в самоизоляции максимально длительное время.

Но этот рецепт, столь благотворный для героев «Декамерона», оценивался современниками неоднозначно – бегство способствовало распространению эпидемии, чистый воздух и уединение оказывались бесполезными, если возбудитель болезни уже оказывался в организме. И главное – такое «дезертирство» входило в противоречие с требованиями гражданского долга (верности своему городу) и христианским поведением (заботы о людях).

Современники называют чудовищные числа жертв эпидемии и порой утверждают, что летальность при заболевании была абсолютной, однако там, где они говорят о своих личных наблюдениях, картина выглядит иной. В тех городах, где они сами жили, смертность была высокой, но отнюдь не тотальной. Не так уж мало людей, переболев бубонной чумой, выздоровели, получив иммунитет. Это хирурги Ги де Шолиак и Амбруаз Паре. Это – многие жители города Провена, а возможно, и сам король Генрих III.

В целом же, утверждение о том, что Черная смерть унесла от 30 до 60 процентов населения латинского Запада (а эти цифры запоминаются публикой в первую очередь), нуждается в существенных корректировках. Сама пандемия 1348–1352 годов унесла много жизней, но явно не половину и даже не треть населения. Тем более что ей предшествовали и другие вспышки чумы. Другое дело, что такие «волны» потом повторялись с интервалом 10–15 лет. Это в сочетании с другими факторами (климатические изменения, неурожаи, войны, социальные конфликты) действительно вело к существенной убыли населения.

Вопреки ожиданиям современников, испытания не изменили мир к лучшему, скорее – наоборот, как писал Маттео Виллани, «мир стал хуже». Во всяком случае, непосредственно Черная смерть ничего не изменила. Столетняя война продолжалась с прежней силой, борьба за

власть во Флоренции оставалась столь же яростной, Папы, сидящие в Авиньоне, продолжали требовать деньги с церковных провинций, крупные банкирские компании все так же отчаянно и так же безуспешно пытались отсрочить свое банкротство. За исключением некоторых постановлений, имевших сиюминутное значение (осуждение еврейских погромов церковью, законодательная фиксация максимальной заработной платы), Черная смерть будет изменять социально-экономический и культурно-политический ландшафт лишь постепенно.

Диарий шведского ордена Святой Бригитты в этом отношении весьма показателен. Публикация открывается известием о страшной чуме 1350 года, но в дальнейшем отношение к смерти «нормализуется». Чума неоднократно посещает Швецию, о чем аккуратно сообщает хроника. Что же касается смертей монахов и монахинь, с большим вниманием описываемых в «Диарии», то, за исключением проказы, о заразных болезнях практически не упоминается.

Среди гуманистов наиболее информативным оказывается трактат Гаспаро Контарини, если этого кардинала можно назвать гуманистом. В данном случае «венецианский миф» вполне оправдан: карантинные, противоэпидемические меры принесли республике Святого Марка заслуженную славу первопроходца.

Макиавелли верен себе, предлагая оригинальную причину время от времени повторяющихся эпидемий. Что же касается Альберти, то его ренессансное красноречие воспроизводит традиционные сюжеты о корыстолюбии медиков, наживавшихся на чужих несчастьях, в том числе и во время эпидемий. Такие обвинения уходят корнями в седую древность и получат богатое продолжение от пьес

Мольера до сегодняшних скетчей, высмеивающих дороговизну и неэффективность современной медицины.

Амбруаз Паре и Клод Атон с точки зрения объяснения причин чумы и средств защиты от нее не слишком далеко ушли от своих предшественников XIV века, разве что добавились такие экзотические рекомендации, как содержание в доме козла как средства против «контагии» дурного воздуха. Однако в области превентивных средств был накоплен немалый опыт. Здесь и карантинная служба, и доведенные до автоматизма действия властей по сегрегации больных, и, что, пожалуй, самое важное, формирование самого института «чумных докторов». Мы можем увидеть, как принуждение и поощрение со стороны властей сочетается с внутрикорпоративным регулированием. Оказаться чумным доктором всегда было серьезным испытанием. Весьма интересна практика завлечения в «чумные доктора» молодых, недоучившихся цирюльников, прельщенных возможностью льготного допуска в ряды медицинской корпорации.

Наши источники мало информируют нас о новых духовных практиках, вызванных к жизни Черной смертью. Но зато они позволяют проследить формирование профессиональной этики, вопреки скепсису Альберти. Интересно свидетельство Маттео Виллани о медиках, возвращавших деньги клиентам, которых они не понимали, как лечить. Ги де Шолиак осознал свою профессиональную беспомощность в борьбе с эпидемией, но решил, что если он покинет зачумленный Авиньон, то покроет себя позором. То же самое можно сказать и об Амбруазе Паре, и о некоторых персонажах Клода Атона.

В конце концов, и простые горожане, авторы дневников, и ученые хирурги приходят к важному

этическому выводу. Наиболее правильное поведение в условиях эпидемии — продолжать следовать своему долгу.

Этот урок позднего Средневековья остаётся актуален и для 2020 года.

Е.Е. Бергер, П.Ю. Уваров